

КАК УСТАНОВКИ И ИЛЛОКУТИВНАЯ СИЛА СТАНОВЯТСЯ КОМПОНЕНТАМИ СМЫСЛА: НЕКОТОРЫЕ СЛЕДСТВИЯ ИЗ АНАЛИЗА МНИМЫХ ИМЕН У ФРЕГЕ

И. Б. Микиртумов

Русское общество истории и философии науки
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1
Поступила в редакцию 20.05.2023 г.
Принята к публикации 01.07.2023 г.
doi: 10.59222225-5346-2023-4-3

Фиктивные имена у Фреге имеют смысл, но не имеют значения. Они сами и содержащие их предложения объявляются мнимыми. Поскольку любое имя собственное рискует оказаться мнимым, следует учитывать намерение говорящего. Делая утверждение, он может подразумевать действительное или фиктивное. В последнем случае мысль выразить нельзя, и поэтому нельзя прийти к значению. Мнимые мысли у Фреге мало что значат для принятия решений и для действий, поэтому мы всегда хотим знать, идет речь о действительном или о мнимом. Чтобы это знание стало доступным, его нужно сделать содержанием предложения, то есть мыслью. Но далеко не всякое высказывание несет мысль, даже если имеет форму предложения. Я описываю три процедуры интенционализации, которые Фреге предлагает использовать для формирования предложения, несущего мысль, даже, если какие-то его компоненты не имеют значения: артикуляцию отношения именованного, формулирование пропозициональной установки намерения, формулирование пропозициональной установки, выражающей метафакциональный контекст. Таким путем намерение говорящего указать на действительный или фиктивный объект становится компонентом мысли, то есть смысла предложения. Сами фикции становятся компонентами мысли, если окажутся в косвенном контексте, где их смысл будет играть роль их значения. Взятый отдельно, смысл имени собственного представляет собой объект с параметром, который получает значение в ситуации употребления имени конкретным говорящим. Основания концепции Фреге сопоставляются с некоторыми положениями Аристотеля и Лейбница.

Ключевые слова: Фреге, смысл, значение, мысль, фикция, именование, пропозициональная установка, намерение

1. Смысл мнимого имени у Фреге и теория смысла

Логические свойства имен предметов, не существующих в действительности (фикций), первым исследовал Аристотель. Онтологический же статус несущего еще раньше рассмотрел Парменид. Как мы помним, он обращается сразу к небытию, то есть к максимуму несуществования. Небытием является лишь то, что никак и никогда не может существовать — ни в мысли, то есть интенционально, ни, тем более, за ее границами. Стоит, однако, подумать о небытии, как вследствие самого этого акта небытие приобщается существованию (Фрагменты, 1989,

с. 288). Тогда несуществующим, додумываем мы вслед за Парменидом, остается то, что пока не получило даже такого бытия или не может его получить. Но люди существа суетные и преходящие, многие вещи никогда не придут им в головы просто потому, что требуют слишком много времени и ресурсов сознания. Поэтому нужен абсолютный свидетель бытия и небытия, то есть божественный разум, теория которого была в наибольшей степени развита Лейбницем. В ней божественный разум «служит источником сущностей» (Лейбниц, 1989, с. 135), то есть всех понятий, и тем самым мыслит все возможные и невозможные предметы и мысли. Как можно назвать то, что не присутствует в виде сущности в божественном разуме? — Кажется, что это и есть небытие. Тогда можно спросить, что обозначено этим именем. Если ничто не обозначено, то имя «небытие» лишено десигната и является фиктивным. Мы при этом понимаем, что такое небытие, то есть владеем смыслом этого имени, как говорит уже Фреге, и знаем вдобавок, что это имя с необходимостью лишено значения, то есть что никакой предмет не является небытием, если только сам смысл не есть предмет. Если это не так, то концептуализация предмета в разуме создает лишь понятие о нем и не обеспечивает его существования. Но ведь небытие как концепт ничем не отличается от треугольника. В действительности, то есть наравне со столами, стульями и нашими телами, не существует ни одного треугольника, но лишь пространственные образования, в которых мы обнаруживаем треугольную форму. Не так ли обстоит дело и с небытием, причастны которому, например, только что рассеявшийся туман, завтрашний дождь, натуральное число, которое меньше, чем 2, и больше, чем 3, круглый квадрат, золотая гора, нынешний король Франции, козлоолень и много другое? Эти примеры напоминают об Аристотеле, Фреге, Мейнонге, Расселе и о продолжающейся логико-семантической дискуссии о несуществующем (см.: *The Language of Fiction*, 2021).

Фреге в ней является одной из главных фигур как создатель, с одной стороны, логики предикатов, постулирующей непустоту предметной области, то есть ведущей речь всегда о сущем, и, с другой, бикомпонентной теории значения, в которой наличие смысла выражения не гарантирует наличие денотата. Первая лежит в основе всех формализованных языков с квантификацией, вторая — в основе современной формальной семантики. Кроме того, Фреге различал мысль как смысл предложения, суждение как оценку ее истинности и утверждение как речевой акт, направленный на информирование других людей об установке говорящего относительно истинности мысли. Тем самым Фреге ввел в логику пропозициональные установки и речевые действия. Все это делает фрегевскую трактовку смысла и значения фиктивных имен важной для теории смысла самой по себе.

Высказываний Фреге о значении фиктивных имен не так много, их часто приводят и комментируют (Caplan, 2020; Munton, 2017; Recanati, 2021). Я тоже буду двигаться по этим цитатам, соблюдая в основном хронологический порядок, но сначала очень кратко опишу бикомпонентную теорию значения.

В работе «О смысле и значении» (1892) (Фреге, 2000a) мы находим семантику, адресованную равно «языку науки» и естественному языку, несовершенства которого должны, по возможности, искореняться. Две основные единицы языка — именное выражение и предложение — имеют смысл (Sinn) и значение (Bedeutung)¹. Значение зависит от типа выражения — собственное имя², понятийное слово (предикат), предложение; смысл представляет собой то, как задано значение. Если это имя собственное, то значением должен быть предмет, если предикат, то множество, возможно, пустое. Значением предложения является его истинностное значение — «истина» или «ложь». Смысл имен собственных задается отношением именования, смысл понятийных слов и словосочетаний — знанием соответствующих им свойств и отношений, а смысл предложения — это выражаемая в нем мысль. Наличие смысла не гарантирует значения. В частности, имена собственные, которые именуют несуществующие предметы, обладают смыслом, но лишены значения, и то же самое верно для предложений, которые содержат такие имена. Фреге называет подобные имена и предложения «мнимыми». Исключение составляют те случаи, когда такие выражения находятся в придаточных косвенной речи, где, согласно теории Фреге, значением предложения является его обычный смысл.

Характеризуя функционирование в языке мнимых имен и мыслей, Фреге в нескольких местах (я приведу их ниже) упоминает о намерениях говорящего указать на действительное или мнимое, на разную «ценность» действительного и мнимого для принятия решения и совершения действия, и, соответственно, на разную «силу» соответствующих высказываний. Названные факторы лежат на границе с прагматикой, и мы сегодня, кажется, не готовы принять их в качестве компонентов смысла. Однако, когда мы обращаемся к теории мысли Фреге как объективно сущего, а потом рассматриваем те инструменты, которые он предлагает использовать для модификации высказываний, не выражающих мысли, в предложения, выражающие мысль, мы обнаруживаем, что и прежде не артикулированные намерение говорящего, отношение именования и статус фиктивного оказываются компонентами мысли, то есть компонентами смысла. Тем самым не существующее в действительности нейтрализуется в объективно существующем в качестве содержания пропозициональных установок и семантических конвенций.

В своей относительно недавней статье Джесси Мантон вслед за рядом других авторов проанализировала в связи с семантикой фикций те

---

¹ Поскольку словом «значение», следуя англоязычной литературе, обозначают как оба компонента собирательно, так и второй их них, удобнее было бы пользоваться парой «смысл» и «денотат», как это делает Чёрч (1960). Но этого нельзя сделать в статье о самой теории Фреге.

² Имеются в виду также определенные дескрипции, то есть описания, сформулированные с определенным артиклем и предполагающие отдельный предмет в качестве значения. Фреге называет именами собственными как настоящие имена собственные («Сократ»), так и определенные дескрипции.

аспекты связи смысла и значения у Фреге, которые затрагивают установки и речевые действия. Ее выводы состоят в том, что смысл выражения у Фреге возникает из соединения его независимого от ситуации произнесения «объективного» содержания с намерениями говорящего, ответственного за конкретный речевой акт. Эта «центрированность на действии» описывает смысл правильнее, нежели «центрированность на выражении», поскольку смысл есть часть утверждения как речевого действия. Мантон полагает, что для Фреге движение от намерения выразить мысль к самой мысли, которое может и не довести до нее, оставшись мнимой мыслью, легитимируется тем, что условием, при котором мысль определяет значение, является ее утверждение (Munton, 2017, p. 3691–3692).

Здесь я также обращаюсь к намерению, силе, решению и действию как к возможным компонентам смысла или же как к его контекстуальным (метасемантическим) параметрам. Материалом в основном служат высказывания Фреге о смысле и значении фикций. Однако я прихожу к выводам, несколько отличным от выводов Мантон. Как я постараюсь показать, не смысл становится компонентом утверждения, но намерение говорящего оказывается компонентом смысла наряду с некоторыми другими метасемантическими факторами. Моя аргументация опирается на фрегевскую теорию мысли и на способы интенционализации содержания предложения, которые Фреге рассматривает как способы формирования мысли.

2. Аристотель: утверждения о несуществующем ложны, а отрицания истинны

Начать следует с Аристотеля, чья интерпретация фикций влиятельна, имеет ясные логические основания и важна для понимания Фреге. Стагирит обращается к проблеме фиктивных имен в связи с истинностью и ложностью. Определение истины у него дается в двух аспектах. Во-первых, как соответствие речи существу, то есть действительности: «говорить о существе, что его нет, или о не-существе, что оно есть, — значит говорить ложное; а говорить, что существе есть и не-существое не есть, — значит говорить истинное» (Аристотель, 1976, с. 141). Во-вторых, — указанием на характер такого соответствия: «истинное и ложное имеются при связывании и соединении» (Аристотель, 1978б, с. 93), и в «Метафизике»: «истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное связанным, а ложное — тот, кто думает обратное тому, как обстоит дело с вещами» (Аристотель, 1976, с. 250). Речь здесь идет об истинности суждения, где предмету приписывается свойство, то есть утверждается соединение, или связь, то есть нечто мыслимое — «составное» и нематериальное, — положение дел или факт, как мы сказали бы сейчас. О вещах «несоставных», то есть таких, которые мыслятся без соединения, Аристотель говорит, что

истина есть удостоверение [как бы] на ощупь (to thigein) и сказывание... а когда нельзя таким образом удостовериться, имеется незнание (в самом деле, относительно сути вещи ошибиться невозможно — разве что привхо-

дящим образом, — и одинаково обстоит дело и с сущностями несоставными, ибо и относительно них ошибиться нельзя; и все они существуют в действительности, не в возможности... относительно того, что есть бытие само по себе и в действительности, нельзя ошибиться, а можно либо мыслить его, либо нет. Относительно его ставится вопрос только о сути, а не о том, такого ли свойства оно или нет) (Аристотель, 1976, с. 250–251).

В этом пассаже речь идет, во-первых, о первых сущностях — отдельных материальных предметах, бытие которых удостоверяется чувственным восприятием, во-вторых, о «сущем самом по себе», то есть о вещах умопостигаемых, например о концепте треугольника, который либо мыслится, либо нет, и который не мыслится «ошибочно» как квадрат. Далее Аристотель говорит о «бытии как истине» и «небытии как ложном», имея в виду необходимые и невозможные соединения. Есть вещи, которые, если существуют, то только с такими-то свойствами, а иначе существовать не могут, как, например, дом является домом лишь при наличии крыши и стен. «Истина здесь в том, чтобы мыслить это сущее, а ложного здесь нет, как нет здесь и заблуждения, а есть лишь незнание ...» (Там же, с. 251), то есть незнание того, что такое дом.

О семантических свойствах имен несуществующих вещей речь идет в «Категориях». Здесь Аристотель объявляет все суждения, в которых несуществующим вещам приписываются свойства, ложными, а все отрицания свойств истинными (Аристотель, 1978а, с. 85). Суждение «Сократ здоров» указывает на наличие связи, которой нет, поскольку Сократа нет, и это же верно для утверждения «Сократ болен», а «Сократ не болен» истинно (Там же), поскольку связь здесь как раз отрицается.

Анализируя эти положения Аристотеля, Ярослав Слинин указывает на их сомнительные следствия, в частности на ложность суждений «Сократ человек», «Сократ есть Сократ» и истинность «Сократ не есть человек», «Сократ не есть Сократ», что, кажется, нарушает закон тождества и плохо вяжется с естественной языковой интуицией (Слинин, 2007, с. 288)³. Ниже мы найдем у Фреге способ решения этой проблемы, но и, опираясь на рассуждения Аристотеля, можно предположить, как указанное затруднение устраняется. Стагирит смотрит на суждение одновременно и со стороны субъекта, и со стороны предиката, так что там, где утверждается «Сократ человек», он спрашивает, каков перечень людей. И если, начиная фразу с имени «Сократ», мы вводим известную историческую фигуру, неявно отсылая тем самым к временному интервалу жизни Сократа, который присутствует как контекстуальный параметр интерпретации, то, начав фразу словосочетанием «множество людей», мы такие параметры не предполагаем, что по умолчанию означает «множество людей здесь и теперь». Это еще более очевидно для предиката, так сказать, утилитарного, а именно «входить в перечень афинских граждан», объем которого меняется во времени.

³ Говоря об Аристотеле, я опираюсь на ряд аргументов, представленных в этой работе.

Есть и еще один аспект. Суждение «Сократ есть Сократ» для Аристотеля не является частным случаем закона тождества в известной нам формулировке $A = A$, поскольку на позиции предиката не может стоять первая сущность. Поэтому в этом суждении второе вхождение «Сократа» есть сокращение либо предиката «быть Сократом» («обладать сократовостью»), либо предиката «быть человеком по имени Сократ». Аристотель не признаёт понятий об отдельных предметах, поэтому верно второе, и тогда Сократ на позиции субъекта предполагает контекстные параметры, а предикат «человек по имени Сократ» указывает на список людей, носящих это имя, что требует указания конкретного момента времени.

Суждения науки указанных трудностей избегают, поскольку должны быть необходимо истинными, что исключает упоминание в них имен отдельных вещей, а для выражения естественного языка должна быть осуществлена интенционализация контекста, состоящая в замещении имени предикатом.

3. Сущность и определение для несуществующего

Во «Второй Аналитике», характеризуя определение, Аристотель говорит следующее: «...о том, чего нет, никто не знает, что оно есть (но [известно только], что означает [данное] слово или название, как если я, например, скажу “козлоолень”. Но что такое “козлоолень” — это знать невозможно)». И вот почему: «если [дающий определение] доказал бы, что именно есть [данная вещь] и что она *есть*, то как же он это докажет одним и тем же доводом? Ведь определение выясняет что-то одно, как и доказательство. Но что такое человек и что человек *есть* — это не одно и то же (Аристотель, 1978в, с. 323). Чуть ниже Аристотель говорит о том, что не может быть определений «несущностей и несуществующего», хотя «обозначать можно и несуществующее» (Там же, с. 324). Наконец, «определение ничего не доказывает и не подтверждает» (Там же).

Аристотель хочет сказать, что назвать имя «козлоолень» можно, но при этом, если козлоолений не существует, то никаких их свойств установить нельзя, ибо ни с чем козлоолень не образует связи и соединения. Назвав козлооленя, мы что-то этим именем хотим обозначить и, по-видимому, мы не полностью лишены знания о козлооленях, но, вспоминая обсуждение этого вопроса Платоном в «Меноне», имеем какое-то приблизительное знание, которое надеемся уточнить и расширить (Платон, 1990, с. 588). В любом случае, употребляя имя «козлоолень», мы имеем представление или же, в лучшем случае, номинальное определение, которое, говоря словами Лейбница, «содержит лишь признаки для отличения предмета от других», но из которого не «видна возможность бытия самого предмета» (Лейбниц, 1984, с. 104). Все сущее в целом имеет целевую причину, каковая есть природа (Аристотель, 1981, с. 100), и каждое существующее возникает с целью реализации своей сущности в своем существовании (Аристотель, 1937, с. 36; Аристотель 1981, с. 99), поэтому никогда не приходящее к существованию не имеет сущности, а следовательно, не может и получить реального определения.

Чуть расширим контекст этой мысли Аристотеля: несуществующее здесь и сейчас не существует потому, что нет сущности, которая должна была бы им реализоваться здесь и сейчас, нет цели, которая бы достигалась его существованием. Если же вдруг появляется нечто, чего раньше не было, то мы спрашиваем о цели и, вслед за Аристотелем, говорим о прошлом этой вещи как о ее становлении из некоего «семени» и питающих его веществ. Для Аристотеля «быть» означает «быть в действительности», а планы возможности, прошлого и будущего присутствуют в сопряжении с сущим, — каким оно было, будет или может быть. Относящиеся к этим планам вещи все равно суть «несущее», которое может быть предметом мыслей и установок (желания и т.п.) (Аристотель, 1976, с. 238) как возможное сущее. Установку намерения мы встретим ниже у Фреге. Когда мы не находим в действительности козлооленья, рассуждения о том, мог бы он быть или нет и почему он не реализовался, затруднительны, поскольку с несущим никакие свойства не соединены и сущность его нам не известна. Если же вдруг козлоолень появится, то, во-первых, нам предстоит сначала убедиться в том, что новое существо есть именно то, что мы называли словом «козлоолень», во-вторых, мы сможем тогда увидеть его становление в прошлом и предположить, что для него возможно в будущем. Усмотреть сегодня становящееся и реализующееся завтра — это непростая задача, требующая наблюдательности, опыта и рассуждения по аналогии, то есть относящаяся скорее к искусству (*τεχνή*), нежели к науке.

Лейбниц, оказавший значительное влияние на Фреге⁴, с такой дискриминацией вещей из альтернативных возможных миров не был согласен. Для него *«все возможное требует существования, а потому [любое возможное] и существовало бы, если бы не препятствовало другое [возможное], которое также требует существования и несовместимо с первым. <...> Если бы в самой природе сущности не было никакой склонности к существованию, то ничего и не существовало бы»* (Лейбниц, 1984б, с. 123). Здесь, благодаря абсолютному разуму как носителю бытия сущностей, уравниваются в правах сущности из разных миров. Пусть не все возможное обретает существование по высшей воле (Лейбниц, 1989, с. 135, 144), но у несуществующих вещей есть сущности, и им можно дать реальные определения. Правда сделать это может только сам абсолютный разум, а мы — нет, так как не встречаемся с вещами в действительности и не можем их исследовать доступным нам опытным путем в конкретных обстоятельствах мира, в которых они реализовались, а потому не можем материалом опыта зацепить и актуализировать свернуто существующие в нашем разуме сущности и идеи. Это различие между Аристотелем и Лейбницем в применимости реального определения важно для понимания проводимого Фреге различия между суждением и определением, и столь же важна мысль Лейбница об автономном бытии сущностей вещей и идей в разуме божественном — развернуто и человеческом — свернуто.

⁴ Об этом — ниже.

4. Смысл имени собственного у Фреге: представления и предметы

Как возникает смысл имени собственного?⁵ Его «понимает каждый, достаточно знающий язык или совокупность обозначений, к которой принадлежит имя*»; тем самым, однако, значение, если оно имеется, освещено все же только с одной стороны. Всестороннее познание данного значения состояло бы в том, что мы могли бы для каждого заданного смысла указать, относится ли он к этому значению» (Фреге, 2000а, с. 231). В отмеченном звездочкой примечании Фреге приводит пример с различными вариантами смысла имени «Аристотель». Оно может звучать как «ученик Платона и учитель Александра» или же как «происходящий из Стагиры учитель Александра Великого». «Пока значение остается одним и тем же, — говорит Фреге, — эти колебания в смысле допустимы, хотя они и должны быть устранены при построении доказывающей науки и не должны встречаться в совершенном языке» (Там же).

Итак, смысл имени собственного усваивается вместе с языком и «совокупностью обозначений, к которой принадлежит имя». Как это можно понять? Существуют три возможности: знакомство⁶, косвенное знакомство и дескрипция. В примере Фреге полноценное знакомство невозможно, и приводимые Фреге суждения воспроизводят знакомство косвенное, то есть опосредованное свидетельствами других людей и укорененное в других объектах, также данных посредством косвенного знакомства. Таковы город Стагира, персоны Платона и Александра. Вторая часть цитаты указывает на дескриптивный компонент, компенсирующий «освещение с одной стороны». Он содержится в словах «ученик», «учитель», «происходить», так что мы имеем дело с сочетанием косвенного знакомства с дескрипцией. Таких сочетаний для имени «Аристотель» может быть множество. Рассказывают, например, что он собирался жениться на дочери царя города Ассос, так что «жених принцессы Ассоса» — это один из возможных смыслов имени «Аристотель», по поводу которого, говоря словами Фреге, мы хотели бы знать, «относится ли оно к данному значению». Косвенное знакомство прокладывает путь к данности Аристотеля *de re* в духе каузальной теории референции (Kripke, 1979), а дескриптивный компонент обеспечивает

---

⁵ Для нас интерес представляют именно имена собственные, поскольку объемы предикатов могут быть пустыми, а для дескрипций, подобных «натуральное число меньше, чем 2 и больше, чем 3», то есть, в современной терминологии, для неопределенных дескрипций, Фреге предлагал использовать число 0 (Фреге, 2000а, с. 240, прим.).

⁶ Термин принадлежит Расселу, но это удобное название для того, что мы теперь называем непосредственным когнитивным контактом с предметом, Фреге называл результатом его восприятия, а Аристотель выше — «удостоверением на ощупь». Во всех случаях имеется в виду, что предмет непосредственно воспринимается, возможно, безо всякого понимания его сущности или знания его свойств.

бесконечное разнообразие такого рода описаний. Знакомство — прямое или косвенное — может сочетаться или не сочетаться с дескрипцией. В первом случае владение смыслом собственного имени и означает «достаточно знать язык» как социально реализуемую систему обозначений. Во втором случае включается «совокупность обозначений», в которых знакомство сочетается с описанием.

Между именем собственным и предикатом лежит знакомство, создающее эффект данности *de re*, очевидно, иллюзорный для имен несуществующего. Артикуляция отношения именованного создает *de dicto*, правда как для фиктивных, так и для действительных имен. В статье «О понятии и предмете» (1892) Фреге говорит, что предложение «Существует Юлий Цезарь» бессмысленно, осмысленно же «Существует некий человек по имени Юлий Цезарь», в котором «человек по имени Юлий Цезарь» — это понятие. Объяснение этому мы находим в семантике кванторов в созданной Фреге для нужд оснований математики логике предикатов. Кванторы неприменимы к индивидам⁷, поскольку выражают свойства второго порядка, то есть свойства свойств. В частности, существование характеризует непустоту объема предиката, который, в свою очередь, выражает свойства предметов. Два других примера выглядят так: «Существует только одна Вена» и «Триест не Вена», где выражение «Вена», которое, как отмечает Фреге, может употребляться и как имя собственное, и как понятийное слово, употреблено в последнем качестве, т. е. должно читаться как «город, называемый Вена» (Фреге, 2000в, с. 259). Здесь мы видим тот же ход мысли, что и у Аристотеля.

Одним из ключевых аргументов Фреге является различие между предметом и представлением, которые часто сливаются в эквивокации. Так, говоря о Луне, мы по умолчанию не имеем в виду представление о ней, но ее саму — значение имени «Луна», тогда как, говоря о прекрасном, скорее, наоборот. Если нас спросят, соответствует ли чему-то наше представление о Луне, то такой вопрос, — говорит Фреге, — «может быть оставлен без ответа», поскольку «достаточно указать на намерение, которое руководило нами во время речи или мышления, чтобы иметь право говорить о значении знака, хотя и с оговоркой: если такое имеется» (Фреге, 2000а, с. 234). Обратим внимание на установку *намерения*. Фреге, как мы помним, различает предложение, суждение и утверждение, где первое выражает мысль, второе квалифицирует ее истинность, третье есть речевое действие, состоящее в сообщении другим людям мысли вместе с оценкой ее истинности. Упомянутое намерение, которое «руководит нами во время речи или мышления», состоит в том, чтобы в утверждении совершить указание либо на представление, либо на предмет.

К чему относится это намерение, к мысли, к ее оценке или к утверждению?

---

⁷ У Фреге речь идет, конечно, о предметах, то есть о таких сущностях, которые не являются предикатами, или предметно-истинностными функциями (свойствами и отношениями).

5. Действительное и мнимое для решений и действий

Мысль, которая сама по себе не зависит от того, имеют ли значения имена, входящие в выражающее ее предложение, «теряет для нас ценность, как только мы узнаём, что у какой-либо из ее частей отсутствует значение» (Фреге, 2000а, с. 234). Различие в ценности проявляется в том, как истинная мысль и предположение влияют на наши решения и действия. В «Логике» (1897) читаем: «...знание, например, некоторого закона природы, которым кто-то обладает, приводит последнего к определенным решениям, которые в свою очередь имеют следствием движение физических масс. При этом знание какого-либо закона следует воспринимать с точки зрения его воздействия на познающего человека, что, по-видимому, возможно, подобно тому как зрительное восприятие цветка можно рассматривать как опосредованное воздействие его на зрителя» (Фреге, 2000д, с. 315). Обратим внимание на слово «решение». То же соображение высказано в работе «Мысль. Логическое исследование»: «...постижение мною мысли, выражаемой в теореме Пифагора, может иметь следствием то, что я признаю ее истинной, а затем, применяя ее и принимая соответствующее решение, окажу воздействие на скорость движущихся тел. Таким образом наши действия бывают обычно подготовлены мышлением и суждением. Так мысли опосредованно могут влиять на движение физических масс» (Фреге, 2000е, с. 341). Последовательность событий такова: «когда мысль постигается, она поначалу вызывает изменения только во внутреннем мире того, кто ее постиг...», и «мысль не совсем нереальна, но ее реальность совершенно иного рода, чем реальность вещей. А ее действие вызывается активностью того, кто мыслит, — без него она бы не действовала, по крайней мере, настолько мы можем это заметить» (Там же, с. 342). Речь тут идет вовсе не о сфере чистой мысли, но о практике, так что «намерение» говорящего указать на значение воплощается в утверждении предложения, следствием чего должно стать решение адресата о действии. Последнее есть цена действительности значения.

Вымысел в произведении искусства вызывает «представления и чувства», связанные с эстетическим удовольствием, так что вопрос об истинности превратил бы его восприятие в «научное исследование» (Фреге, 2000а, с. 235). Тут Фреге формулирует центральное положение о связи смысла и значения, к которому мы еще вернемся: «стремление к истине — вот что всегда побуждает нас к переходу от смысла к значению». Чтобы правильно соотносить это положение с ценностью произведений искусства, следует помнить, что истинность предложения для Фреге есть истинность выражаемой в нем и объективно сущей мысли. Возможные миры Лейбница, столь нам теперь привычные, для Фреге не являются точками придания значения предложениям, все наши координаты времени, места, говорящего и т. д. — это то, что для Фреге должно быть артикулировано в самом предложении. Истинным для него является только то, что истинно, как бы мы теперь сказали, во всех возможных мирах. В «Логике» (1897) Фреге говорит о «дополнительных

разъяснениях», которые «зависят от обстоятельств» (Фреге, 2000д, с. 313), так что нельзя просто сказать «идет дождь», поскольку это предложение содержит, в современной терминологии, скрытые индексы (Schiffer, 1992), значение которых состоит в указании места, времени, иных деталей, позволяющих однозначно идентифицировать ситуацию и приступить к выяснению, истинна мысль или ложна, но нужно уточнить, где, когда и как он идет (Фреге, 2000д, с. 314).

Почему Фреге этого требует? Ответ, кажется, состоит в его лейбницеанской установке⁸. Доктрина, согласно которой мысли мы застаем готовыми, открываем их и постигаем, а не создаем, что они уже истинны или ложны и воздействуют на нас, но не друг на друга, принадлежит Лейбницу, который помещал в божественный разум все возможные миры в их логической полноте, так что все мысли, которые могут прийти нам в голову, оказываются уже продуманными богом. Можно спросить, как богу дано знание о том, что, вот, прямо сейчас у меня за окном идет дождь? Ответ очевиден: бог мыслит конкретный мир, время, место, иные аспекты ситуации и обладает мыслью, которая истинна безотносительно и может быть выражена предложением: «там-то и тогда-то в таком-то отношении идет дождь». В версии Лейбница тут же оказывается истинным и бесконечное множество предложений, выражающих то же положение дел, но с использованием имен других вещей — например, каждой из капель этого дождя, их частей, частей их частей и так до бесконечности.

«Мы можем мыслить, не вынося суждения», — говорит Фреге (Фреге, 2000д, с. 316), и практикуем это в сфере художественного вымысла, ведя речь о мнимых предметах, заданных представлениями. «Поэт, собственно, не живописует, не изображает, а лишь побуждает к живописному изображению, дает некие указания, некие намеки, оставляя целое на долю слушателя» (Там же, с. 317). Иными словами, «намерения» поэта не состоят в том, чтобы вызывать у нас ощущение реальности и побудить к действию, вызвать «движение физических масс» в мире своего вымысла⁹. В одном из примечаний в статье «О смысле и значении» Фреге выражает пожелание, чтобы для знаков, имеющих смысл, но лишенных значения, использовались бы особые выражения, которые можно было бы назвать «картинами» (Bilder). И слова актера, и сам актер на сцене — это такого рода картины, — добавляет Фреге, так что

⁸ О лейбницеанстве Фреге см.: (Мирошниченко, 2003, с. 279–289; Черноскутов, 2003; Lenzen, 1995; Heis, 2013).

⁹ Впрочем, эксперименты как раз противоположного рода известны хотя бы по тем театральным постановкам авангарда, в которых зрителю предлагается стать участником действия в перспективе двух противоположенных движений. В одном случае зритель превращается в актера и участвует в инсценировке, например суда и казни, а в другом спектакль превращается в реальные суд и казнь. Последняя возможность, то есть переход имитации реальности в реальность, не раз продумывалась в жанре фантастического реализма в литературе и кино. Фреге описал бы такой переход как смену одного намерения (указать на представление) на другое (указать на значение) и как амбивалентность знака, чреватого отсутствием значения.

истинная мысль, выраженная в форме «утвердительно-повествовательного предложения», но при этом на сцене, «не имеет своей обычной силы», хотя имеет то же самое содержание, что и при обычном способе выражения, она подчиняется принципу композициональности и к ней применимы все обычные синонимические переформулировки (Фреге, 2000а, с. 235). Фреге хочет сказать, что, поскольку намерение актера понятно зрителю, к его словам он относится «не всерьез», но не потому, что не схватывается и не оценивается выражаемая мысль, а потому, что она не рассматривается как основание для решений и действий. Если бы актер произнес «5 есть четное число», то зритель мог бы констатировать ложность этой мысли и наличие у персонажа неверного представления о действительности, но не заподозрил бы актера в попытке обмана публики, то есть в попытке создать ложное основание для решений и действий.

В статье «Логика. Введение» (1897) мы вновь встречаем «намерение»: «Без учета намерения нечто отобразить не может быть и речи об истине, о правде данной картины... предикат *истинности* приписывается, собственно, не самому представлению, а мысли о том, что оно, это представление, отображает некоторый известный предмет» (Фреге, 2000д, с. 309—310). Поэтому «логику не интересуют мнимые мысли», а физику не интересует «гроза на театральной сцене» (Там же, с. 309). Гроза на театральной сцене не есть гроза, а есть знак грозы, воспроизводящий ее признаки по принципу подобия. Такой знак призван вызвать именно представление о грозе в значительном числе ее деталей. Так действует и мнимая мысль, — она призвана вызвать представление о предполагаемой действительности, а мнимое имя — представление о предмете. Для иллюстрации Фреге не раз обращается к идее звукоподражания (Там же, с. 316), которая действует по принципу аналогии и вызывает эффект частичного подобия, а смысл мнимого имени возникает, во-видимому, из многих представлений, общего для какого-то сообщества людей.

Во «Введении в логику» (ок. 1906) функция вымысла объясняется так:

...мы все же не станем отказывать во всяком мыслительном содержании всем предложениям «Одиссеи», в которых встречается имя Одиссей. Подумав, мы придем к заключению, что в «Одиссее» имя «Одиссей», в противоположность развивавшемуся нами взгляду, все-таки обозначает некоего человека. Но станут ли предложения, содержащие имя «Одиссей», после этого выражать иные мысли? Я полагаю, что нет. Мысли останутся теми же самыми; только они переместятся из поэтической области в область истины. Поэтому кажется, что предмет, обозначаемый каким-либо собственным именем, совершенно несуществен для содержания мысли, выражаемой тем предложением, которое это имя содержит. Для содержания мысли! В остальном, конечно, нам отнюдь не все равно, где мы находимся — в поэтической области или в области истины (Фреге, 2000г, с. 303).

Итак, для того чтобы донести содержание мыслей, которым соответствуют только лишь представления, мы используем специально для этого предназначенную «поэтическую область» коммуникации, терри-

торию несерьезного, своего рода «песочницу». Она строго отграничена от «области истины», в которой слова произносятся с намерением сообщить о том, что действительно, и вызвать соответствующую реакцию в виде решений и действий.

6. Три способа интенционализации

Хотя в статье «О смысле и значении» Фреге оставляет место для знакомства с предметом, говоря, в частности, о представлении, включающем в себя как чувственные характеристики предмета, так и обстоятельства знакомства с ним (Фреге, 2000а, с. 233; Ninan, 2019), его общая логицистская установка, выраженная, например, в «Основаниях арифметики» (1884) состоит в том, чтобы в науке идти от эмпирического к объективному, которое в случае математики оказывается и априорным. Идея «третьего мира» объективно сущих мыслей (Фреге, 2000е, с. 335) проводится с «Оснований арифметики» (1893) и «Основных законов арифметики» (1902): «Я отличаю объективное от осязаемого, пространственного, действительного. Земная ось, центр массы Солнечной системы являются объективными, но я не могу назвать их действительными, как саму Землю», — говорит Фреге, противопоставляя «схватываемое мыслью», которое доступно всем, «созерцаемому» индивидуально, которое передаётся плохо (Фреге, 2000ж, с. 27). В сфере «эмпирического» мы, с одной стороны, сталкиваемся с физическими вещами (действительное и объективное), а с другой — с собственными представлениями (действительное и субъективное). «Если предложение называют эмпирическим, потому что мы должны делать наблюдения, для того чтобы нам стало известно его содержание... тогда высказывается психологическое утверждение, которое относится только к содержанию предложения; является ли оно истинным тем самым не рассматривается. В этом смысле все истории Мюнхгаузена также являются эмпирическими; ибо, для того чтобы их можно было выдумать, конечно, необходимо делать различные наблюдения» (Там же, с. 17). Вещи здесь, несомненно, вызывают представления, которые, однако, живут своей жизнью и вольны соединяться и разделяться как им вздумается. Такова модель воображения.

Мир человеческих дел и обстоятельств не содержит в себе ничего такого, что можно было бы описать суждениями аналитическими и априорными, тут все случайно и лишено всеобщности. Представления выражаются в естественном языке, но при этом не выражаются мысли. Одни говорят о несуществующем как о существующем, другие о субъективном (представлении) как об объективном (понятии), третьи об объективном (понятии) как о физическом (предмете). Чувственное, конечно, создает условия для того, чтобы «видеть вещи», но его при этом недостаточно для «раскрытия перед нами внешнего мира», а «решение принимается во внечувственной сфере» (Фреге, 2000е, с. 340). Все это для Фреге есть следствие несовершенств естественного языка, которые заставляют признать, что, хотя мысли существуют независимо от человека, «в сознании, однако, должно быть нечто, нацеленное на мысль» (Там же), но относящееся к области представлений.

И тут Фреге делает вслед за Лейбницем ход, для которого, конечно, он не имеет оснований: он решает, что из высказывания, не выражающего мысли, но демонстрирующего нацеленность на нее, можно получить предложение, выражающее объективно сущую мысль. Чтобы так думать, нужно предполагать, что случайное и субъективное лишь кажутся таковыми, но что всегда есть контекст, в котором это случайное и субъективное оказываются частью необходимого и объективного. Фреге не предлагает никаких объяснений того, как, например, наряду с законами логики, объективное существование в виде мысли получает содержание предложения «Не существует человека по имени Юлий Цезарь», видимо, с уточнением параметра времени. Нам остается принять это решение Фреге, которое можно проследить по тем инструментам и приемам получения мыслей из «немыслей», которые отчасти описаны, отчасти намечены в связи с учетом индексных параметров и условий отделения законченной мысли от высказывания (Фреге, 2000е, с. 331 — 332), способов объективации мысли в коммуникации (Там же, с. 337 — 338), а также путей дифференциации мысли и представления (Там же, с. 338 — 339)¹⁰.

Назовем интенционализацией выражения *артикуляцию в нем условий установления истинности и способа данности упоминаемых в нем сущностей*¹¹. Фреге рассматривает три способа интенционализации: (1) артикуляцию отношения именованного, которая выражается суждениями вида «человек по имени Юлий Цезарь»; (2) артикуляцию намерения указать на действительное или фиктивное, выражаемую констатацией такого намерения говорящим или сообщением о его пропозициональной установке; (3) артикуляцию метафакционального контекста, которая также выражается сообщением о пропозициональной установке. Первые два способа мы рассмотрели выше, обратимся теперь к третьему.

В статье «Логика. Введение» (1897) Фреге объявляет предложение «У Сциллы шесть голов» лишенным значения, поскольку «Сцилла» является «мнимым собственным именем» (Фреге, 2000д, с. 308), хотя Сцилла в «Одиссее» действительно была о шести головах. У Фреге нет примера «Шестиголовая Сцилла шестиголова», но это предложение претендует, кажется, на аналитическую истинность, и Фреге отказал бы ему и в случайной. Основание следующее: «хотя и можно попытаться перетолковать все предложения так, что они станут предложениями о представлениях, это совершенно изменило бы их смысл, и мы получили бы совершенно другую науку, причем эта новая наука стала бы ветвью психологии» (Там же, с. 309). Можно ли поставить представления в

¹⁰ В этой работе эти идеи, высказывавшиеся и ранее, получают наиболее завершенную форму.

¹¹ Такого рода операция называется гиперинтенционализацией, но этот термин уместен там, где различены экстенциональный и интенциональный уровни. Первый соответствует приписыванию свойств и отношений предметам, второй — выражению пропозициональных установок, и тогда в случае появления выражений, в которых выражены факторы интерпретации, можно говорить о гиперинтенциональном (см.: Berto, Nolan, 2021).

контекст, в котором они стали бы частью содержания мысли? Можно. Мнимые имена порождают мнимые мысли, а «исключения из этого правила бывают тогда, когда мнимое собственное имя встречается в косвенной речи, составляющей какую-то часть всего предложения» (Там же). В самом деле, если сформулировать пропозициональную установку, то мы получим предложение, выражающее истинную мысль: «Созданная Гомером картина Сциллы рисует чудовище о шести головах». И тем самым мы создали так называемый метафигиональный контекст (Devine, 1974; Caplan, 2020), то есть ввели описание дискурса вымысла, имеющего «привязку» (Kamp, 2015) к реальному предмету — тексту «Одиссеи» или ее автору. В самом деле, в мире, где Одиссей и Сцилла действительны, они не являются персонажами «Одиссеи» Гомера, так как в поэме представлены «картины» Одиссея и Сциллы, которые не есть сами Одиссей и Сцилла в мире поэмы, и, наоборот, никакой плод вымысла не может быть действительным, даже если изображено действительное лицо, предмет или обстоятельство. Предметные области фикционального и метафигионального контекстов не пересекаются. Таким образом, фиктивные имена нейтрализуются в метафигиональном контексте, употребление *de re* стирается и замещается *de dicto*, то есть именами представлений¹².

Что затрагивает интенционализация — смыслы предложений или смыслы имен? Даммит полагает, что смыслы имен, причем понятийных, и что вместо, например, «белый», мы получим «белый в прошлом», «белый в будущем» и т. п. (Dummett, 1981, p. 387). Едва ли это верно. Мы не встречаем у Фреге таких предикатов и, тем более, имен собственных, а в отношении предложений с индексалами он сообщает следующее: «Не возразят ли мне, что предложение “я голоден” может быть истинным для одного и ложным для другого? Предложение — вполне, но не мысль: ибо слово “я” в устах другого означает этого другого, и потому предложение, высказанное им, выражает другую мысль». И далее, переходя уже к вопросу об уточнении условий интерпретации, добавляет: «Все определения места, времени и т. п. принадлежат к той мысли, об истинности которой идет речь; бытие же истины само лишено места и времени» (Frege, 1893, S. XVI–XVII). Здесь условия интерпретации суть часть содержания мысли, образованной объективным смыслом предиката «быть голодным».

Артикуляция метафигионального контекста идет дальше артикуляции намерения указать на действительность или фиктивность. Как заметил Ариндам Чакрабартти, в системе антитез объективного — субъективного, действительного — мнимого невозможно различить предметы, существовавшие в прошлом, но ныне не существующие, те, которых пока нет, но которые появятся, и те, которые вымышлены, то есть их действительность никак не предполагается (Chakrabarti, 1997, p. 75–78). Фрегевский актер на сцене не просто выражает намерение говорить о

¹² Тайлер Бэрдж считает это негативным следствием «объективности» мысли (Burge, 1979).

фиктивным, но и демонстрирует происхождение фикции из воображения автора пьесы. Таким образом, поскольку вымышленное есть вид несуществующего, то вывести его на уровень мысли можно лишь задействовав два способа интенционализации.

7. Подражание как компонент смысла

В «Размышлениях о смысле и значении» (не ранее 1892) Фреге говорит о «поведении» имени: «...имя “Навсикая”, которое, вероятно, ничего не обозначает или не именуется... ведет себя так, будто оно называет некую девушку, и этим обеспечивается его смысл» (Фреге, 2000б, с. 251). Здесь наличие действительного или мнимого значения у имени связывается с его коммуникативными функциями. Задача мнимого имени подражать, вести себя так, «как будто» оно действительное, дабы воздействовать на адресата сообщения «всерьез» (Recanati, 2021, p. 26–27). Совместимо ли это с тем, что сама мнимость именованного «обеспечивает» смысл? Последний должен быть объективным, и, если он состоит в том, что такую-то феакийскую девушку зовут Навсикая, то к нему нельзя добавить ее несуществование, не сделав его мнимым непритворно. Однако обстоятельства существования и несуществования обычно не артикулированы, и имена тем самым недоопределены. Предложение «Навсикая встретила Одиссея на берегу» может после интенционализации иметь для говорящего и адресата различные смыслы, отражающие их установки. Смысл говорящего звучит как «В том, что я считаю вымыслом Гомера, Навсикая встретила Одиссея на берегу», смысл адресата, «всерьез» воспринимающего «Одиссею», — «В том, что я считаю историческим прошлым, Навсикая встретила Одиссея на берегу». Если это так, то действительные и мнимые имена имеют смыслы, в которых явно выражено существование и несуществование, хотя в языковой форме они не проявлены.

Если по Фреге существование — это неартикулированный компонент смысла, то эта его идея реализуется теорией Крипке (Kripke, 2011), согласно которой вымышленные объекты образуют отдельный класс и именуется фиктивными именами, внешне неотличимыми от действительных. Выполнив пожелание Фреге о специальных знаках для мнимых имен, мы устранили бы этот недостаток, получив предложения «Действительный Гомер — автор действительной “Одиссеи”» и «Мнимая Навсикая встретила мнимого Одиссея на берегу», что позволило бы снять недоопределенность имен относительно существования.

Внести подражание действительности в смысл мне представляется возможным лишь в косвенном контексте: «Маша видит себя Навсикаей, которая встретила Одиссея на берегу». Если Маша считает Навсикаю действительной, то для адресата сообщения, который считает Навсикаю фикцией, имя «Навсикая» в этой фразе получит смысл с компонентом подражания: «вымышленная Гомером феакийская девушка, которую Маша считает действительной и обладающей такими-то свойствами». Мы осуществили здесь интенционализацию, артикулировав

метафигциональный контекст, а также сделали сообщение о возможной артикуляции другим человеком намерения указать на действительность. Будем считать это косвенной артикуляцией намерения.

8. Смысл и намерение

Итак, решение и действие, воплощающиеся в «движении физических масс», имеют цену, заставляющую стремиться к мысли, а для этого высказывания с мнимыми компонентами проходят интенционализацию и превращаются в предложения, выражающие мысли. При этом данность *de re* сводится к *de dicto*, артикулируется намерение указать на существование или несуществование, вводится метафигциональный контекст.

Суждения Фреге о смысле начиная с фразы «стремление к истине — вот что всегда побуждает нас к переходу от смысла к значению» (Фреге, 2000а, с. 235) имеют общим познавательное движение и побуждение к такому движению. Возможно, тут действует та же интуиция, что стоит за утверждением Лейбница о стремлении всего возможного к реализации. Если смысл есть схватывание «контура» предмета или положения дел, которые могут быть действительными, а могут остаться фикциями, то познавательный интерес и воплощает это стремление. Только теперь речь идет не о чистой возможности, а о заинтересованном субъекте, для которого концепт предмета и мысль являются продуктами совместной работы ума и представления. Их активность вызвана установкой — мечтой, желанием, страхом, любопытством и пр., которая подталкивает интеллектуальную и имагинативную работу в перспективе радикального повышения цены ее результата при обнаружении действительности предмета и истинности соответствующей мысли. В этом познавательном движении к миру задействованы сущности воля говорящего и сила значения (Munton, 2017; Recanati, 2021), без которых нельзя проследить путь от намерения сделать утверждение до решения и действия адресата речи. У Фреге намерение и решение относятся к субъективным представлениям, а действия — к сфере объективного действительного (Мирошниченко, 2003 с. 253).

В силу разделяемого Фреге принципа композициональности, согласно которому значение (смысл) целого есть функция значения (смысла) его частей и способа их соединения, анализ смысла имени следует начинать с анализа смысла предложения, поскольку именно он определяет типы сущностей, выступающие его компонентами. Смысл предложения понимается обычно двояко, а именно как знание условий истинности и как последовательность действий, приводящая к значению. Сам Фреге в «Основных законах арифметики» выражает эпистемическую трактовку: «Не только значение, но и смысл присущ всякому правильно построенному из наших знаков имени. Всякое такое имя истинностного значения *выражает* смысл, *мысль*. Посредством наших определений устанавливается, при каких условиях оно обозначает истину. Смысл этого имени, т. е. *мысль* состоит в том, что эти условия вы-

полнены» (Frege, 1893, S. 50). Создатель фрегеанской логики смысла и денотата Алонзо Чёрч характеризует смысл следующим образом: «о смысле мы говорим, что он определяет денотат или что он есть концепт этого денотата» (Чёрч, 1960, с. 19) и «Смысл предложения можно описать как то, что бывает усвоено, когда понято предложение, или как то, что имеют общего два предложения в *различных* языках если они правильно переводят друг друга. Как и в случае имен, можно понимать смысл предложения и при этом не знать о его денотате (истинностном значении) ничего, кроме того, что оно определяется этим смыслом» (Там же, с. 31–32). Понимание смысла как посредника, как некоторого семантического объекта, ассоциируемого со словом и являющегося как моделью понимания выражения, так и инструментом достижения его выполняющего те или иные условия значения, представлено у Даммитта (Dummett, 1976, p. 217). Предел конкретизации достигается при процедурном понимании смысла (Шанин, 1992, с. 15), а также там, где ему сопоставляются абстрактные алгоритмы (Moschovakis, 1993) и семантические программы (Микиртумов, 2006).

«Переход от смысла к значению», если сам смысл есть знание «условий», при которых мысль истинна, означает переход от знания условий к знанию того, выполнены они или нет. Процедурность имеет общий характер, относящийся к порядку означивания семантических и прагматических параметров, а не к конкретным способам проверки истинности. Поскольку смысл предложения содержит в себе структуру обнаружения его значения во всех версиях смысла отсутствие значения у какого-либо из компонентов блокирует композиционный процесс установления значения целого, парадигмально связанный для Фреге с вычислением, движение к значению останавливается ввиду отсутствия необходимых данных. Этим и исчерпывается ответ на вопрос, почему мнимые мысли у Фреге не являются ни истинными, ни ложными.

Выполнение семантических процедур имеет характер обязательный и принудительный, поскольку семантика принадлежит «внешней» оболочке языка, объективной во фрегевском смысле как общее условие его использования, то есть является «минимальной» (см.: Borg, 2012). Это значит, что если говорящий имеет намерение выразить мысль или мнимую мысль, то эта альтернатива известна и ему самому и любому носителю языка. Но Фреге не проводит формально-онтологического различия между прежде существующими, будущими и вымышленными объектами, поскольку предполагает, что в ходе интенционализации любого высказывания будут выражены мысли, имеющие равную ценность и своим содержанием снимающие различие между бывшим, будущим и никогда не существующим. Содержания, выраженные в предложениях «Сократ участвовал в битве при Потидее в 430 году до н. э.», «Станция “Театральная” петербургского метрополитена будет построена в 2025 году», и «Гомер изобразил Сциллу шестиголовой» еще не доведены до состояния полных мыслей, так как не все обстоятельства именованного артикулированы, но хорошо видно, как это может быть сделано.

9. Заключение

Итак, следуя за Фреге в интерпретации фикций, мы обнаруживаем связь между намерением, смыслом, решением и действием, которую можно кратко представить следующим образом.

В естественном языке имена собственные могут оказаться фикциями, и всякое предложение с именами собственными может нести в себе либо полноценную, либо мнимую мысль. Используя их так, как будто они обозначают что-то действительное, говорящий поступает недобросовестно, но у мнимых выражений есть функции в коммуникации о представлениях и, кроме того, люди могут ошибаться, принимая мнимое за действительное и наоборот, путая представление, понятие и предмет. Предполагая добросовестную коммуникацию, мы ожидаем от говорящего демонстрации намерения вести речь о действительном или о мнимом, а от адресата – распознавания такого намерения. Но, еще не зная о намерении говорящего, мы можем иметь дело с объективно мыслимым содержанием, которое интендировано¹³ говорящим, но которое для того, чтобы стать смыслом предложения и привести к значению, требует означивания параметров контекста, именованного и пр. Такой смысл будет выражен новым предложением, полученным в ходе интенционализации, и смысл этот будет уже объективным, не зависящим ни от каких внешних условий, в частности от действительности или мнимости входящих в него имен. Интенционализация означает артикуляцию отношения именованного и намерения говорящего, а также помещения всех выражений, отсутствие значения которых может блокировать установление значения целого, в косвенный контекст, в частности пропозициональных установок, в котором их смысл играет роль их значения. Так намерение говорящего становится компонентом смысла.

Смысл имени собственного как форма, предназначенная, в свою очередь, быть компонентом смысла предложения, содержит параметр намерения говорящего указать на действительное или фиктивное. Применительно к смыслу конкретного имени, например, «Одиссей» этот параметр остается неозначенным до его употребления в ситуации конкретным говорящим. Таким образом, предполагая, что одни люди считают Одиссея действительным, а другие мнимым, и не имея собственного мнения на этот счет, мы имеем дело со смыслом имени «Одиссей» как с недоопределенным объектом, относительно которого мы, однако, знаем, какой параметр будет означен при его употреблении.

Интенционализация как артикуляция названных выше параметров смысла предшествует у Фреге реализации принципа композициональности. В самом деле, если смысл целого есть функция смысла частей, то все параметры смысла предложения должны прийти вместе с его ком-

---

¹³ См.: (Микиртумов, 2016).

понентами. Так происходит, например, при строгой реализации принципа композициональности у Ричарда Монтегю (Монтегю, 1981). Фреге же предлагает способы доведения содержания высказывания до мысли посредством переформулировок, которые артикулируют значения параметров компонентов в самом предложении. Лишь после того, как семантические, контекстные и прагматические условия превращаются в элементы содержания, включается композициональность.

Исследование выполнено в рамках проекта Русского общества истории и философии науки, поддержанного грантом РФФИ №21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

Список литературы

- Аристотель. О частях животных / пер. В. П. Карпова. М., 1937.
- Аристотель. Метафизика / пер. А. В. Кубицкого // Соч. : в 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 63–367.
- Аристотель. Категории / пер. А. В. Кубицкого // Соч. : в 4 т. М., 1978а. Т. 2. С. 51–89.
- Аристотель. Об истолковании / пер. Э. Л. Радлова // Соч. : в 4 т. М., 1978б. Т. 2. С. 91–115.
- Аристотель. Вторая аналитика / пер. Б. А. Фохта // Соч. : в 4 т. М., 1978в. Т. 2. С. 255–345.
- Аристотель. Физика / пер. В. П. Карпова // Соч. : в 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 59–261.
- Лейбниц Г. Ф. Размышление о познании, истине и идеях / пер. Э. Л. Радлова // Соч. : в 4 т. М., 1984а. Т. 3. С. 101–107.
- Лейбниц Г. Ф. Абсолютно первые истины / пер. Г. Г. Майорова // Соч. : в 4 т. М., 1984б. Т. 3. С. 123–126.
- Лейбниц Г. Ф. Опыт теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла / пер. Ф. А. Смирнова // Соч. : в 4 т. М., 1989. Т. 4.
- Микиртумов И. Б. Теория значения и интенциональная логика. СПб., 2006.
- Микиртумов И. Б. Некомпозициональность и интендированный смысл // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 48, №2. С. 87–103.
- Мирошниченко П. Н. Готтлоб Фреге и логико-философская мысль XIX – начала XX века. Запорожье, 2003.
- Монтегю Р. Прагматика и интенциональная логика // Семантика модальных и интенциональных логик / пер. с англ. ; под ред. В. А. Смирнова. М., 1981. С. 223–253.
- Платон. Менон / пер. С. А. Ошерова // Соч. : в 4 томах. М., 1990. Т. 1. С. 575–612.
- Слинин Я. А. Логическая семантика Аристотеля // Логико-философские штудии. СПб., 2007. Вып. 4 / под ред. Я. А. Слиннина, Е. Н. Лисанюк. С. 279–289.
- Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1 : От эпических космогоний до возникновения атомистики / изд. подг. А. В. Лебедев.
- Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика / пер. с нем. Б. В. Бирюкова ; под ред. З. А. Кузичевой. М., 2000а. С. 230–246.
- Фреге Г. Размышления о смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. Б. В. Бирюкова, З. А. Кузичевой. М., 2000б. С. 247–252.
- Фреге Г. О понятии и предмете // Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. Б. В. Бирюкова, З. А. Кузичевой. М., 2000в. С. 253–262.

- Фреге Г. Введение в логику // Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. Б. В. Бирюкова, З. А. Кузичевой. М., 2000г. С. 297–306.
- Фреге Г. Логика. Введение // Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. Б. В. Бирюкова, З. А. Кузичевой. М., 2000д. С. 307–325.
- Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. Б. В. Бирюкова, З. А. Кузичевой. М., 2000е. С. 326–342.
- Фреге Г. Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа / пер. В. А. Суровцева. Томск, 2000ж.
- Черноскотов Ю. Ю. Готтлоб Фреге и логическая традиция // Историко-логические исследования. СПб., 2003. С. 238–265.
- Чёрч А. Введение в математическую логику / пер. В. С. Чернявского ; под ред. В. А. Успенского. М., 1960. Т. 1.
- Шанин Н. А. Некоторые черты математического подхода к проблемам логики // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1992. Вып. 4. С. 10–20.
- Berto F., Nolan D. Hyperintensionality // Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman [2021]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/hyperintensionality/> (дата обращения: 01.03.2023).
- Borg E. Semantics without Pragmatics? // The Cambridge Handbook of Pragmatics / ed. by K. Allan, K. Jaszczolt. Cambridge NY, 2012. P. 513–528.
- Burge T. Sinning against Frege // Philosophical Review. 1979. Vol. 88, №3. P. 398–432.
- Caplan B. Fregean theories of names from fiction // The Routledge Handbook of Linguistic Reference / ed. by St. Biggs, H. Geirsson. N. Y., 2020. P. 384–396.
- Chakrabarti A. Denying existence. Dordrecht, 1997.
- Devine Ph. The Logic of Fiction // Philosophical Studies. 1974. Vol. 26, №5/6. P. 389–399.
- Dummett M. The Interpretation of Frege's Philosophy. L., 1981.
- Dummett M. Truth and Other Enigmas. Cambridge MA ; Harvard, 1976.
- Frege G. Grundgesetze der Arithmetik. Begriffsschriftlich abgeleitet. Jena, 1893. Bd. 1.
- Heis J. Frege, Lotze, and Boole // The Historical Turn in Analytic Philosophy / ed. by E. H. Reck. L., 2013. P. 113–138.
- Kamp H. Using Proper Names as Intermediaries between Labelled Entity Representations // Erkenntnis. 2015. Vol. 80, №2. P. 263–312.
- Kripke S. A Puzzle about Belief // Meaning and Use. Synthese Language Library / ed. A. Margalit. Dordrecht, 1979. P. 239–283.
- Kripke S. Vacuous names and fictional entities // Philosophical troubles / ed. by S. Kripke. Oxford, 2011. P. 52–74.
- Lenzen W. Frege und Leibniz // Logik und Mathematik / hrsg. von I. Max. Berlin, 1995. S. 82–92.
- Moschovakis Y. Sense and Denotation as Algorithm and Value // Logic Colloquium'90: ASL Summer Meeting in Helsinki. Lecture Notes in Logic / ed. by J. Oikonen, J. Vannan. Heidelberg, 1993. Vol. 2. P. 210–249.
- Munton J. Frege, fiction and force // Synthese. 2017. Vol. 194. P. 3669–3692.
- Ninan D. Naming and epistemic necessity // Noûs. 2019. Vol. 55, №2. P. 334–362.
- Recanati F. Fictional Reference as Simulation // The Language of Fiction Oxford / ed. by E. Maier, A. Stokke. Oxford, 2021. P. 17–36.
- Schiffer S. Belief ascription // Journal of Philosophy. 1992. Vol. 89, №10. P. 499–521.
- The Language of Fiction / ed by E. Maier, A. Stokke. Oxford, 2021.

Об авторе

Иван Борисович Микиртумов, доктор философских наук, Русское общество истории и философии науки, Россия.

E-mail: imikirtumov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9382-249X

Для цитирования:

Микиртумов И. Б. Как установки и иллокутивная сила становятся компонентами смысла: некоторые следствия из анализа мнимых имен у Фреге // Слово.ру: балгийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 48–72. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-3.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

HOW PRESUPPOSITIONS AND ILLOCUTIONARY FORCE BECOME COMPONENTS OF SENSE: SOME IMPLICATIONS FROM THE ANALYSIS OF FICTITIOUS NAMES IN FREGE'S PHILOSOPHY

I. B. Mikirtumov

Russian Society for the History and Philosophy of Science,
12/1 Goncharnaja St., Moscow, 109240, Russia

Submitted on 20.05.2023

Accepted on 01.07.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-3

Frege's fictitious names possess meaning but lack denotation. Both these names and the sentences containing them are deemed fictitious. Since any proper name can potentially refer to an imaginary entity, it is crucial to consider the speaker's intention. When making a statement, the speaker may refer to the real or the imaginary. In the latter case, the thought cannot be explicitly expressed, and consequently, denotation cannot be reached. In Frege's framework, fictional thoughts hold little significance for decision-making and actions. Therefore, we consistently seek to discern whether the discourse pertains to the real or the imaginary. To make this knowledge accessible, it must be incorporated into the content of a sentence, effectively becoming a thought. However, not every statement expresses a thought, even if it conforms to the structure of a sentence. I will now elucidate three intensionalization procedures that Frege proposes for constructing a sentence that expresses a thought, even if certain components within it lack denotation: the articulation of a naming relation, the formulation of a propositional attitude of intention, and the formulation of a propositional attitude that conveys a metafictional context. Through these methods, the speaker's intent to indicate a real or fictional object becomes a constituent of thought, i.e., the sense of the sentence. Fictions themselves become components of thought when they are found in an indirect context, wherein their sense serves as their denotation. When considered independently, the sense of a proper noun is an entity with a parameter that acquires a value in the specific situation where the name is employed by a particular speaker. Frege's foundational concepts are juxtaposed with certain aspects of Aristotle and Leibniz's doctrines.

Keywords: *Frege, sense, denotation, thought, fiction, naming, propositional attitude, intention.*

References

- Aristotle, 1937. *O chastyakh zhivotnykh* [About the parts of animals]. Translated by V.P. Karpov. Moscow (in Russ.).
- Aristotle, 1976. *Metaphysics*. In: *Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh* [Aristotle. Collected works in 4 volumes]. Vol. 1. Translated by A.V. Kubitski. Moscow, pp. 63 – 367 (in Russ.).
- Aristotle, 1978a. *Categories*. In: *Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh* [Aristotle. Collected works in 4 volumes]. Vol. 2. Translated by A.V. Kubitski. Moscow, pp. 51 – 89 (in Russ.).
- Aristotle, 1978b. *About interpretation*. In: *Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh* [Aristotle. Collected works in 4 volumes]. Vol. 2. Translated by E.V. Radlov. Moscow, pp. 91 – 115 (in Russ.).
- Aristotle, 1978c. *Second analytics*. In: *Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh* [Aristotle. Collected works in 4 volumes]. Vol. 2. Translated by B.A. Focht. Moscow, pp. 255 – 345 (in Russ.).
- Aristotle, 1981. *Physics*. In: *Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh* [Aristotle. Collected works in 4 volumes]. Vol. 3. Translated by V.P. Karpov. Moscow, pp. 59 – 261 (in Russ.).
- Berto, F. and Nolan, D., 2021. *Hyperintensionality*. In: E.N. Zalta and U. Nodelman, eds. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/hyperintensionality/> [Accessed 1 March 2023].
- Borg, E., 2012. *Semantics without Pragmatics?* In: K. Allan and K. Jaszczolt, eds. *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, pp. 513 – 528.
- Burge, T., 1979. *Sinning against Frege*. *Philosophical Review*, 88 (3), pp. 398 – 432.
- Caplan, B., 2020. *Fregean theories of names from fiction*. In: St. Biggs and H. Geirsson, eds. *The Routledge Handbook of Linguistic Reference*. New York, pp. 384 – 396.
- Chakrabarti, A., 1997. *Denying existence*. Dordrecht, Kluwer.
- Chernskutov, Yu. Yu., 2003. *Gottlob Frege and logical tradition*. In: *Istoriko-logicheskie issledovaniya* [Investigations in the history of logic]. St. Petersburg, pp. 238 – 265 (in Russ.).
- Church, A., 1960. *Vvedenie v matematicheskuyu logiku* [Introduction to mathematical logic]. Translated by V.S. Chernyavskii. V.A. Uspenskii, ed. Vol. 1. Moscow (in Russ.).
- Devine, Ph., 1974. *The Logic of Fiction*. *Philosophical Studies*, 26 (5/6), pp. 389 – 399.
- Dummett, M., 1976. *Truth and Other Enigmas*. Cambridge MA, Harvard.
- Dummett, M., 1981. *The Interpretation of Frege's Philosophy*. London, Duckworth.
- Frege, G., 1893. *Grundgesetze der Arithmetik. Begriffsschriftlich abgeleitet*. I. Band, Jena, Verl. von Hermann Pohle.
- Frege, G., 2000a. *On sense and denotation*. In: B.V. Biryukov and Z.A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 230 – 246 (in Russ.).
- Frege, G., 2000b. *Reasoning on sense and denotation*. In: B.V. Biryukov and Z.A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 247 – 252 (in Russ.).
- Frege, G., 2000c. *About concept and thing*. In: B.V. Biryukov and Z.A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 253 – 262 (in Russ.).
- Frege, G., 2000d. *Introduction to logic*. In: B.V. Biryukov and Z.A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 297 – 306 (in Russ.).

Frege, G., 2000e. Logic. Introduction. In: B. V. Biryukov and Z. A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 307–325 (in Russ.).

Frege, G., 2000f. Thought. Logical investigation. In: B. V. Biryukov and Z. A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 326–342 (in Russ.).

Frege, G., 2000g. *Osnovopolozheniya arifmetiki. Logiko-matematicheskoe issledovanie o ponyatii chisla* [Foundations of arithmetic. Logical and mathematical research on the concept of number]. Translated by V. A. Surovtcev. Tomsk (in Russ.).

Heis, J., 2013. Frege, Lotze, and Boole. In: E. H. Reck, ed. *The Historical Turn in Analytic Philosophy*. Palgrave-Macmillan, pp. 113–138.

Kamp, H., 2015. Using Proper Names as Intermediaries between Labelled Entity Representations. *Erkenntnis*, 80 (2), pp. 263–312, <https://doi.org/10.1007/s10670-014-9701-2>.

Kripke, S., 1979. A Puzzle about Belief. In: A. Margalit, ed. *Meaning and Use*. Dordrecht, pp. 239–283.

Kripke, S., 2011. Vacuous names and fictional entities. In: S. Kripke, ed. *Philosophical troubles*. Oxford, pp. 52–74.

Lebedev, A. V., ed. 1989. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast' 1: Ot epicheskikh kosmogonii do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of early Greek philosopher. Part 1. From epic cosmogonies to the emergence of atomistics]. Moscow (in Russ.).

Leibniz, G. W., 1984a. Reflection on knowledge, truth and ideas. In: G. W. Leibniz, ed. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Papers in four volumes]. Vol. 3. Translated by E. L. Radlov. Moscow, pp. 101–107 (in Russ.).

Leibniz, G. W., 1984b. Absolutely the first truths. In: G. W. Leibniz, ed. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Papers in four volumes]. Vol. 3. Translated by G. G. Mayorov. Moscow, pp. 123–126 (in Russ.).

Leibniz, G. W., 1989. Experiments of theodicy about the goodness of God, the freedom of man and the beginning of evil. In: G. W. Leibniz, ed. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Papers in four volumes]. Vol. 4. Translated by F. A. Smirnov. Moscow (in Russ.).

Lenzen, W., 1995. Frege und Leibniz. In: I. Max, ed. *Logik und Mathematik*. Berlin, De Gruyter, pp. 82–92.

Maier, E. and Stokke, A., eds., 2021. *The Language of Fiction*. Oxford University Press.

Mikirtumov, I. B., 2006. *Teoriya znacheniya i intensional'naya logika* [Meaning theory and intensional logic]. St. Petersburg (in Russ.).

Mikirtumov, I. B., 2016. Non-compositionality and intended sense. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 48 (2), pp. 87–103 (in Russ.).

Miroshnichenko, P. N., 2003. *Gottlob Frege i logiko-filosofskaya mysl' XIX – nachala XX veka* [Gottlob Frege and logic-philosophical conceptions of 19th and early 20th centuries]. Zaporozhye (in Russ.).

Montague, R., 1981. Pragmatics and intensional logic. In: V. A. Smirnov, ed. *Semantika modal'nykh i intensional'nykh logik* [Semantics of modal and nonextensional logics]. Translated V. A. Smirnov. Moscow, pp. 223–253 (in Russ.).

Moschovakis, Y., 1993. Sense and Denotation as Algorithm and Value. In: J. Oikkonen and J. Vannan, eds. *Logic Colloquium'90: ASL Summer Meeting in Helsinki. Lecture Notes in Logic*. Vol. 2. Heidelberg, pp. 210–249.

Munton, J., 2017. Frege, fiction and force. *Synthese*, 194, pp. 3669–3692, <https://doi.org/10.1007/s11229-016-1117-x>.

Ninan, D., 2019. Naming and epistemic necessity. *Noûs*, 55 (2), pp. 334–362, <https://doi.org/10.1111/nous.12314>.